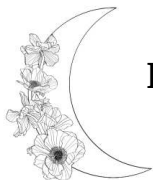

Во Вселенной ничто не проходит бесследно...

Пролог

Близится полночь. Тишину и безмолвие режут удары маятника старинных часов, далекий прибой и шепот ветра, пришедшего с моря. Мой кулак упирается в стену, и я медленно выдыхаю в попытке унять неистовый ураган, что сейчас бесчинствует в груди и разрывает душу на части. Взгляд снова возвращается к кровати. Судьба оказалась к тебе несправедливо жестокой, девочка моя...

Серебряная луна холодно сияет с темного небосклона, бесстрастно взирает на грешную землю со своей недостижимой высоты. Что ей до жизней тех, кто ходит где-то там внизу?

Часы в гостиной бьют двенадцать. Кажется, что они звучат так тяжело, словно отсчитывают удары ее сердца. В сотый раз мне пришлось убедиться, сколь хрупка человеческая жизнь, и, видят боги, я сделал все возможное, чтобы ее глаза еще не раз смогли увидеть этот мир.

Вновь и вновь она притягивала к себе мой взгляд. Я смотрел на ее утонченное лицо, которое вместо боли теперь выражало спокойствие, закрытые глаза с опущенными черными ресницами, на ее фарфоровую кожу, которая в свете луны казалась прозрачной. Я отнял тебя у смерти, любовь моя, забрал твою прежнюю жизнь и ни о чем не жалею. Что же ты скажешь мне на это, когда проснешься?

Жизнь, которая утекала из нее еще двое суток назад, возвращалась к ней, но уже совсем в другом качестве. Ее ресницы оставались неподвижными, но я знал, что она должна открыть

ЕКАТЕРИНА АЛЕШИНА

глаза с минуты на минуту, и томился в ожидании этого мига, изнывал от нетерпения.

Время перевалило за полночь, я все еще ждал ее пробуждения, и мне стало казаться, что каждая секунда на циферблате часов мучительно тянется, будто всеильное время издевается надо мной в своей безграничной власти.

Воздух в комнате вдруг показался невыносимо тяжелым, и, подойдя к окну, я сделал вдох, ощутив аромат жасмина и магнолии, растущих возле дома. Потом обернулся в надежде, что она уже пробудилась, но ее веки по-прежнему были закрыты. «Неужели что-то пошло не так? Но этого не может быть!» — От волнения в голову лезли совершенно глупые мысли.

Ветер, ворвавшийся в комнату, заполнил ее медвяно-пьянящим ароматом весны, и тишину нарушил громкий вздох. Со смесью восторга и волнения я подошел к кровати. Моя девочка все еще спала. Легкий порыв ветра перебирал складки ее белого платья. Темно-каштановая прядь волос упала ей на лицо, я потянулся убрать ее и... В этот самый момент она открыла глаза, затем, посмотрев куда-то перед собой, стремительно ринулась с кровати и взлетела под самый потолок. Я отнял тебя у смерти, отнял...

ГЛАВА I

Случайная встреча

Эмилия

Сидя за письменным столом, я зачеркивала очередную неудачную стихотворную строчку. Ну что за день такой! Взгляд упал на раскрытую нотную тетрадь, в которой моей рукой аккуратно были выведены ноты мелодии собственного сочинения. Осталось написать к музыке стихи, над ними я сейчас и трудилась, но мое вдохновение на сегодня решило взять отпуск.

Рядом с нотной тетрадью лежал пригласительный билет на школьную тематическую вечеринку, которая должна была состояться в пятницу. И пусть у меня не было парня или подруг, с кем стоило бы пойти, я ждала этот вечер с трепетом, как и вся школа. В этом году для нашей вечеринки совет старшеклассников, бросив жребий, выбрал тему вампиров еще за месяц до праздника. Новость разлетелась и стала главной во всех разговорах школьников, но особенно предстоящее мероприятие волновало девушек. Больше самих учеников наши школьные вечеринки обожали только местные магазины карнавальной атрибутики — за приличную выручку. Недели за две с прилавков начисто снесли всю вампирскую бутафорию — фальшивые клыки, кровь, карнавальные цветные линзы.

Мой наряд уже ждал своего часа. Оставалось самое главное — не поссориться со вздорной мачехой, иначе все мои приготовления и старания рухнут, как ее мечты о красной

дорожке в Каннах, статуэтке «Оскара» и миллионах подписчиков в соцсетях. Зато у мачехи весьма успешно, по ее же мнению, складывалась карьера актрисы кино, если успехом можно считать однотипные роли третьего и четвертого плана во второсортных сериалах.

Я старалась избегать жены отца, но, к величайшему сожалению, Анна в своем желании поскандалить была самым настоящим гопником — если решила докопаться до тебя, то повод найдется. Мачеха принадлежала к той группе людей, которые не проживут ни дня без выяснения отношений. Порой мне казалось, что она не человек, а самый натуральный энергетический вампир. Скандалы словно приносили ей наслаждение, она упивалась ими, зато я после такого «концерта» чувствовала себя так, словно по мне проехала колесница, и не один раз. Как же хотелось в подобные моменты хоть на час попасть в такой уголок Земли, где бы не было людей, чтобы на время просто забыться, наслаждаясь спокойствием. К действительности меня вернул громогласный ор мачехи:

— Эмилия, мать твою за ногу! Иди сейчас же сюда! Хоть бы помогла мне на кухне!

С тяжким вздохом я встала из-за стола. «Ты даже не представляешь, как она меня достала!» — пожаловалась на мачеху Мэрилину Мэнсону, смотревшему на меня с плаката inferнальным взглядом, и, убрав тетради и пригласительный билет в стол, направилась к лестнице, бормоча себе под нос: «Вот она — представительница местных сливок общества, продрала свои глазоньки и горланит с утраца...»

Мачеха стояла около плиты в цветастом переднике и с бигуди на волосах, пытаясь что-то там приготовить. Интуиция подсказывала мне, что обеда не будет, ибо за все годы жизни с ней стало понятно — готовить она не умеет совсем, да и в быту беспомощна как ребенок. «Я актриса, человек искусства, вся эта бытовуха — мирская суета, на которую я не могу себе позволить тратить время», — часто любила повторять Анна.

Вчера заболела наша домработница, а это значило, что, пока она не выздоровеет, мы будем заказывать обеды и ужины. Потому что еда из ресторана, хоть даже самого захудалого, намного безопасней стряпни моей мачехи.

— Сегодня мы с отцом собираемся пойти к его коллеге на светский прием. Он пригласил всех друзей с семьями в честь его юбилея. Ты останешься дома, — сказала она и строго посмотрела на меня. — А пока помоги мне накрыть на стол. Сидишь там у себя в комнате, ничего не делаешь, а я, значит, должна все успеть. Хоть бы кто это оценил!

Одно из многочисленных бигуди выпало из ее заготовки под прическу и плюхнулось прямо в кастрюлю с каким-то неведомым варевом. зуб даю, что ведьмовским. Мне стоило невероятных усилий сдержать смех при виде этой картины.

— Тьфу ты, твою ж, — прошипела мачеха сквозь зубы, погасив огонь под кастрюлей. — Черт с тобой, закажу еды на дом.

В моей голове шла мысленная борьба. Светский прием — звучит, конечно, пафосно, но заманчиво, не каждый день посещаешь такие мероприятия. Пойти туда мне все-таки хотелось, но мачеха моего рвения не разделяла. Вопреки обещаниям самой себе не ссориться с Анной, я все же набралась смелости спросить, почему меня не берут на прием.

— А что ты там забыла, дорогуша? — воскликнула она. — Детей там не будет. Да и ты не умеешь себя вести, как подобает светской леди, так что оставайся дома и учи уроки. Со мной лучше не спорить, — произнесла Анна таким тоном, будто одним только голосом желала напугать меня до смерти.

Тоже мне фюрер в юбке! Светская леди, прости господи... Мне хотелось ей возразить, но потом подумалось, что лучше пожертвовать приемом ради вечеринки, чем в пух и прах поспорить с мачехой и из-за этого лишиться «Бала вампиров». Зато весь вечер дом будет в моем полном распоряжении. И никаких косых взглядов и презрительного шипения,

так напоминающего змеиное. В общем-то, решение мачехи мне даже на руку.

— Ладно, — пожалала я плечами, продолжив молча раскладывать столовые приборы.

Мачеха покинула кухню с гордым видом полководца, взявшего Трюю. За все эти годы она так и не осознала, что слово «ладно», сказанное мной, означает вовсе не мое с ней покорное согласие, а то, что я сделаю все по-своему, но тихо. Но ей, конечно же, хотелось думать, что я от одного лишь ее взгляда замираю как мышь перед удавом. Ну-ну... Мечтать не вредно. Я вот тоже мечтаю. Как после школы уеду отсюда, поступлю в Институт культуры, найду подработку, а может, даже не одну, а потом на накопленные деньги куплю билет на концерт Кипелова. Ах, мечты, мечты... Мысленно пожелаю мачехе съесть на этом пафосном приеме просроченную устрицу и, представив последствия, не удержалась от тихого смешка.

Моя родная мама пропала без вести, когда мне исполнилось два года. Пропала без следа, словно сгинула в бездну. Полиция долго расследовала ее исчезновение, но так и не смогла найти никаких улик или хоть какую-то ниточку, которая помогла бы что-либо понять. Мама словно растаяла, будто и не было ее никогда в нашей с отцом жизни. Просто вечером возвращалась от подруги, но домой так и не пришла. Со мной случилось самое страшное, что только может случиться с ребенком. Вот так я и осталась на попечении отца и нянек, которых он менял как перчатки. Своим родителям отец меня поручить не мог, потому что сам был у них единственным и поздним сыном. К моим двум годам они уже не смогли бы справиться с внучкой в силу своего возраста. А маминих родителей никто не знал — все свое детство она провела в Восточной Европе. Первые годы ее жизни прошли в доме малютки, а потом маму забрали на воспитание в многодетную приемную семью.

Отец почти сразу после исчезновения мамы женился на Анне. Я никогда не рассказывала бабушке с дедушкой о том, что моя жизнь в отчем доме больше похожа на войну. Боялась, что переживания плохо скажутся на их хрупком, старческом здоровье. Однако они все-таки догадывались, что жизнь с отцом у меня не складывается, и однажды все же забрали меня к себе. К тому времени я была уже школьницей, и справляться со мной стало значительно проще. Но счастье это продлилось недолго. Через несколько лет скоропостижно умер дедушка, а через полгода не стало и бабушки — она так и не смогла оправиться от горькой утраты. Я вернулась в отчий дом и первые месяцы жизни в то время до сих пор помню с трудом, ведь сбылся самый главный мой страх — вновь жить под одной крышей с отцом и мачехой-садисткой.

Вот так я с малых лет и росла, чувствуя себя ненужной самому близкому для меня человеку. Постепенное мучительное осознание предательства нестерпимо жгло в груди, побуждая меня, тогда еще ребенка, задаваться совсем не детскими вопросами, ответы на которые подчас становились невыносимыми. С годами весь сакральный и сокровенный смысл слова «папа» для меня померк и развеялся. Да и папой я его называть давно уж перестала. Семейей мы трое были исключительно по документам, а на деле — два взрослых человека, занятых друг другом и своей жизнью, и я, растущая сама по себе, как сорная трава, рядом с ними под одной крышей. Спокойно расти мне, конечно, не давали, и стараниями мачехи некоторые вечера в стенах собственного дома для меня становились адом. Я постоянно напоминала себе, что когда-нибудь уеду из этого проклятого дома и мой персональный кошмар закончится.

Я жила в своем собственном мирке, любовно выстроенном мной за многие годы и наполненном книгами, музыкой и нотами, стихами и разговорами с морем, и этот мир, цветущий и лелеемый внутри меня и спрятанный от всех, придавал смысл моему существованию и силы следовать своим мечтам. Хотя стоит отдать должное бабушке и дедушке — пока они

были живы, я всегда знала, что на этом свете есть целых два человека, искренне любящих меня.

В детстве у меня имелись приятели среди сверстников, хотя, сколько я себя помню, всегда ощущала себя неприкаянной и одинокой. Причина была в том, что я будто безвылазно жила в своем собственном мире, который никак не пересекался с мирами других. В мире, полном странных и необъяснимых видений, неясных образов, снов, похожих на явь, и предчувствий, которые никогда меня не подводили. Я видела сны, которые вскоре сбывались. И это невероятно пугало. Но это были лишь цветочки. Ягодки начались позже, когда я поняла, что могу при общении с человеком почувствовать, если ему угрожает смертельная опасность. Это казалось мне таким странным и всегда неизменно повергало меня в ужас. Я не знала, что мне делать с этим, и даже бабушке с дедушкой ничего не рассказала, несмотря на то, что ощущала потребность с кем-то поделиться всем, что со мной происходит. Чтобы просто услышать, что со мной все в порядке, я адекватна и не схожу с ума.

Слава девочки со странностями сослужила мне дурную службу — сверстники меня сторонились. Хотя порой я недоумевала — как можно меня бояться, проживая в стране, где не так давно с помощью сеансов Кашпировского люди воду заряжали через экран телевизора? Уж Кашпировский-то полеще моего чудил.

Из раздумий меня вывел шум подъехавшей машины, и в окне промелькнул отцовский «Ниссан». Со мной отец был строг, равнодушен, а порой и очень вспыльчив. Но Анна... Вот с ней он становился совсем другим человеком — мягким и покладистым. Мачеха подавляла его властным характером. Он редко возмущался, наверное, таких мужчин и называют подкаблучниками. Душу грела мысль о том, что уже совсем скоро я окончу школу и уеду из этого дома, который больше похож на террариум. И кобра по нему ползает. Королевская...

— Ты идешь обедать? — послышался рядом строгий голос отца. — Нам с Аней еще нужно собраться на прием.

Вот и отлично! Вот и проваливайте! Светская львица и ее домашний послушный Бобик. Наконец-то останусь дома одна и в кои-то веки почувствую себя свободно. Отсутствие дома отца и мачехи было прекрасным шансом провести этот вечер как мне хочется, не выслушивая презрительного шипения Анны в свой адрес, тем более что такая возможность выпадает не всегда.

Отец с мачехой уехали в шесть часов вечера. Оставшись наедине с собой, я даже растерялась — чем же таким интересным заняться? Сначала включила самые любимые готические треки в своем плей-листе и решила перед зеркалом примерить платье для Бала вампиров. Как же оно мне нравилось! Какое сокровище я нашла на блошином рынке! Сшитое в винтажном стиле, оно живо напоминало о Викторианской эпохе, о которой я обожала читать в романах.

В окно заглянул прощальный луч уходящего за горизонт солнца. Мне в голову пришла блестящая мысль — а не сходить ли на дикий пляж? Как раз успею проводить закат. Все равно туристов в это время года мало, а значит, меня, скорее всего, никто не потревожит. Что может быть лучше — легкий соленый бриз, шелест волн и крики чаек. Взяв с собой гитару, я отправилась на встречу с морем.

* * *

В душе впервые за несколько недель царило умиротворение, и с таким настроением я не спеша шла к морю. Стоило мне свернуть со своей улицы, как мое внимание привлек очень интересный молодой человек, которого я раньше не заметила, погруженная в свои мысли.

Высокий, широкоплечий и статный, он выглядел настоящим атлетом и шел с такой грацией, которой позавидовал бы любой самый искусный танцор. До чего же он был хо-

